

ЖОРЖ РУ

ВЕЛИКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ МЕЖДУРЕЧЬЯ

ДРЕВНЯЯ МЕСОПОТАМИЯ:
ЦАРСТВА ШУМЕР, АККАД, ВАВИЛОНИЯ
И АССИРИЯ. 2700—100 гг. до н. э.

Жорж Ру
Великие цивилизации
Междуречья. Древняя
Месопотамия: Царства
Шумер, Аккад, Вавилония и
Ассирия. 2700–100 гг. до н. э.

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22591211

Великие цивилизации Междуречья. Древняя Месопотамия: царства Шумер, Аккад, Вавилония и Ассирия. 2700–100 гг. до н. э. / Пер. с англ.

А.Б. Давыдовой: ЗАО Центрполиграф; Москва; 2016

ISBN 978-5-9524-5212-1

Аннотация

Книга ассириолога Жоржа Ру охватывает политическую, культурную и экономическую историю трехтысячелетнего периода процветания региона, расположенного между Тигром и Евфратом и некогда называвшегося Месопотамией. Интерес к Древнему Ближнему Востоку и исследовательская работа автора позволили ему описать династии и религии каждой эпохи: искусство, науку и литературу шумеров, аккадцев, вавилонян

и ассирийцев, погружая читателя в неизбежное очарование прошлого.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	11
Глава 2	36
Глава 3	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Жорж Ру
Великие цивилизации
Междуречья
Древняя Месопотамия:
царства Шумер, Аккад,
Вавилония и Ассирия.
2700–100 гг. до н. э

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф»,
2016

* * *

Предисловие

Целью создания этой книги послужила попытка заполнить весьма прискорбную лакуну. Долина Тигра и Евфрата, регион, который некогда называли Месопотамией и который в настоящее время по большей части входит в состав государства Ирак, представляет собой гармоничное, обладающее прекрасно очерченными географическими границами культурное и историческое пространство. В древности его обитатели – шумеры, аккадцы, вавилоняне и ассирийцы – были носителями одной великолепной цивилизации и играли ведущую роль в ближневосточной политике, искусстве, науке, философии, религии и литературе. На протяжении последних 150 лет на территории самого Ирака и в восточной части Сирии было проведено бесчисленное множество археологических экспедиций. Обнаружены впечатляющие памятники, и музейные коллекции пополнились произведениями искусства и глиняными табличками с выдавленными на них текстами, привезенными из погребенных под землей городов Месопотамии. Не менее значительные достижения были сделаны в сфере филологии – постепенно раскрывались тайны двух основных языков Месопотамии: шумерского и аккадского, благодаря чему были переведены и опубликованы десятки тысяч текстов. Количество книг и статей, посвященных тому или иному аспекту археологии, истории и ци-

цивилизации Древнего Междуречья и хранящихся в университетских библиотеках, значительно увеличивается. Однако отсутствовало общеисторическое сочинение по истории Месопотамии.

Нежелание профессионалов взяться за выполнение этой задачи вполне объяснимо. Для того чтобы тщательно и полностью изучить все аспекты цивилизации, корни которой уходят в доисторическую эпоху и которая существовала на протяжении более чем тридцати столетий, группа ученых должна полностью погрузиться в эту работу и заниматься только ею на протяжении нескольких лет, написав при этом целый ряд объемных монографий. Более того, так как каждое новое открытие меняет наши представления о прошлом, результат даже такого титанического труда через десятилетие может устареть.

Ассириологи и археологи, как правило, предпочитают пахать собственные поля. Те из этих исследователей, кто пишет для широкой аудитории, посвящают свои труды конкретным темам, с которыми они лучше всего знакомы. Эти работы нельзя недооценивать, но в то же время приходится признать, что они освещают лишь незначительные фрагменты огромной картины. Человеку, не обладающему профессиональными знаниями, как правило, сложно полностью оценить их по достоинству, так как он далеко не всегда способен поместить описанные в них места, памятники, события и идеи в соответствующий хронологический или куль-

турный контекст.

Однако историки предпочитают совершенно иной подход. Издано немало монографий, посвященных широчайшей тематике – истории всей Западной Азии, Ближнего Востока, включая Египет, или вообще всего Древнего мира. Эти сочинения представляют собой неоценимые свидетельства эрудиции, в них достаточно и деталей, и перспективы. Однако многие относятся к тому типу, который характерен для галереи искусств, где шедевр теряется на фоне множества других произведений. Эти книги (не важно, насколько большое внимание в них уделено Месопотамии) не в состоянии отдать должное данной цивилизации, ее удивительной целостности и продолжительной истории.

Таким образом, данная работа является скромной попыткой заполнить лауну, образовавшуюся между трудами двух этих типов – монографиями и энциклопедиями. Она представляет собой краткое, во многом неполное исследование политической, экономической и культурной истории Древней Месопотамии, начинающееся с рассказа о появлении в этом регионе первых следов присутствия человека в эпоху палеолита и заканчивающееся описанием гибели шумеро-аккадской цивилизации на заре христианской эры. В дополнение к этому книга снабжена материалами, знакомящими читателя с географией и экологией Месопотамии, а также с техниками и результатами археологических исследований, проводившихся на территории этого региона.

Эта книга написана не для исследователей, а для всех, кто интересуется этой темой. По всему миру живет огромное (и постоянно увеличивающееся) число людей, ведущих совершенно разный образ жизни, но в то же время проявляющих значительный интерес к истории в целом и истории Древнего Востока в частности. Образованные и охваченные жадной жаждой знаний, они пока не сумели найти книгу, в которой была бы собрана вся необходимая им информация об этой местности, по вполне понятным причинам восхищающей их. Данная работа предназначена именно для таких людей. Я постарался сделать эту книгу настолько ясной, простой и легко читаемой, насколько это возможно, но в то же время было необходимо, чтобы сведения, содержащиеся в ней, были точными и соответствовали современному уровню развития науки. Нет надобности говорить, что выполнить эту задачу оказалось очень сложно. Написание труда, посвященного научным вопросам и предназначенного для людей, не являющихся профессионалами в этой области, подобно хождению по туго натянутому канату – все время боишься скатиться к педантизму или тривиальности, и я совершенно не уверен, что мне удалось сохранить баланс. Когда я занимался подбором материала, мне приходилось делать сложный, порой очень трудный выбор из всего многообразия имеющейся информации, но я старался избегать чрезмерных упрощений и догматизма.

В истории, особенно когда речь идет о Древнем мире, су-

ществует множество нерешенных проблем, и сделанный сегодня вывод завтра может оказаться неверным. Поэтому я взял на себя смелость более или менее подробно остановиться на наиболее спорных моментах, таких как происхождение шумеров, и почти на каждой странице подчеркивал, что наши знания имеют весьма условный характер. Я часто пытался соотнести исторические факты с предшествовавшими им событиями, географическими или экономическими условиями. Иными словами, я старался больше объяснять, чем описывать, так как считаю, что без подобных объяснений (причем не важно, насколько они гипотетические) история превратится в бессмысленный и весьма нудный набор дат и сведений. Наконец, я уделил искусству, литературе и религии больше внимания, чем авторы других работ подобного рода, и привел цитаты из максимального количества источников, которое позволял объем текста книги. Современные читатели хотят знать не только что делали древние люди, но и как они жили и что они думали. Возможно, лучший способ оживить прошлое – заставить его говорить само за себя.

Глава 1

География

Нигде так явно не прослеживается воздействие географического фактора на историческое развитие, как в странах, простирающихся от Средиземного моря до Иранского нагорья, которые входят в состав Ближнего Востока. В огромных пустынях, экваториальных лесах или вблизи полюсов человеку приходится сталкиваться с враждебной природой, угрожающей самому его существованию. Вместе с тем в зонах с умеренным климатом благодаря благоприятной и способствующей развитию окружающей среде он почти везде чувствует себя дома. Но на засушливом, субтропическом Ближнем Востоке баланс между человеком и природой оказывается более шатким. Первый может жить там и даже процветать, хотя его деятельность во многом обусловлена рельефом местности, особенностями почвы, количеством осадков, местонахождением источников и колодцев, течением и интенсивностью потока рек. Эти факторы оказывают на него огромное воздействие, они влияют на прокладываемые им торговые маршруты и его военные предприятия, заставляют его вести оседлый образ жизни и заниматься земледелием или вынуждают стать кочевником, воздействуют на формирование его физических и моральных качеств и до опреде-

ленной степени определяют его мысли и религиозные представления. Таким образом, рассказ об истории любой ближневосточной страны должен начинаться с описания ее карты, и Древний Ирак не является исключением.

Из-за того что в нашем распоряжении нет ни одного древнего трактата по географии, приведенное ниже описание будет основано на топологии современного Ирака. При этом оно (с учетом незначительных поправок), несомненно, справедливо и для древности. Несмотря на то что в некоторых частях страны реки в настоящее время текут по другому руслу, не такому, как в древности, а некоторые прежде плодородные районы превратились в засушливые пустыни и наоборот, в целом расположение гор, равнин и долин, очевидно, остается прежним. Кроме того, на основе сравнения древних и современных флоры и фауны, а также сведений, полученных в результате проведения геологических и метеорологических исследований, можно сделать вывод, что на протяжении последних пяти тысячелетий климат менялся незначительно и этими переменами вполне можно пренебречь.

Однако подобного рода научные доказательства излишни, так как любой приехавший в Ирак и обладающий минимальными познаниями в истории человек оказывается в аналогичной окружающей среде. О далеком прошлом напоминают не только лишенные растительности горы, каменистые пустыни, засеянные ячменем поля, пальмовые рощи, заросли тростника и заиленные равнины, формировавшие ланд-

шафт, косвенно описанный в источниках и повлиявший на создателей памятников, но и условия жизни за пределами крупных городов. На холмах за овцами и козами следят пастухи, будто сошедшие со страниц Библии; в пустынях племена кочевников-бедуинов, как и в древности, бесконечно скитаются от одного колодца до другого; на равнинах крестьяне живут в домах, сложенных из кирпича-сырца, почти неотличимых от тех, где обитали их далекие предки, и нередко используют такие же орудия труда; на болотах рыбаки, подобно шумерам, живут в тростниковых хижинах и плавают на высоконосых лодках. Несмотря на то что жители этих мест уже не поклоняются луне, солнцу, ветрам и рекам, они одновременно боятся этих сил природы и уважают их. Многие древние обычаи и верования можно объяснить, проанализировав условия жизни этих современных людей. В мире очень мало стран, где, как это ни странно, прошлое как будто оживает, где «мертвые» тексты, с которыми приходится работать историкам, получают превосходные иллюстрации.

Изучаемый нами регион представляет собой треугольник, занимающий площадь около 240 000 км² и ограниченный воображаемыми линиями, соединяющими Алеппо, озеро Урмия и устье реки Шатт-эль-Араб. Часть этого треугольника находится на территории современной Сирии, часть (большая) – в Ираке, в то время как его северная и восточная оконечности принадлежат Турции и Ирану. Однако эти границы сформировались недавно, а сам данный регион в

действительности представляет собой с точки зрения географии единое целое, основными осями которого являются долины двух рек – Тигра и Евфрата. Таким образом, именно его можно назвать Месопотамией, хотя значение этого слова, некогда придуманного древнегреческими историками, несколько ограничено – оно переводится как «(страна) между рек». Это может показаться странным, но древние обитатели «Месопотамии» не дали название всему региону, на территории которого они жили. Используемые ими термины неизбежно оказываются чрезмерно широкими («Страна») или чересчур узкими (Шумер, Аккад, Ашшур, Вавилон). Эти люди слишком привыкли к мысли о существовании множества городов-государств и узких политико-религиозных границ и не могли признать существование территориальной единицы, которое нам кажется столь очевидным.

В дохристианскую эпоху географическое единство Месопотамии дополнялось поразительной общностью культуры. Внутри треугольника процветала цивилизация, которую по качеству и той роли, что она сыграла в истории, можно сравнить, пожалуй, только с древнеегипетской. В зависимости от веяний моды ее называли «халдейской», «ассиро-вавилонской», «шумеро-аккадской» или «месопотамской», но все эти понятия обозначают одно и то же явление. Растение, корни которого уходят далеко в глубь доисторической эпохи, медленно выросло, расцвело на заре истории и просуше-

ствовало в течение почти трех тысячелетий, оставаясь практически неизменным на протяжении всего этого времени, несмотря на постоянные политические потрясения, ассимиляцию с другими народами и их влияние. Центрами, создавшими, развивавшими и распространявшими эту цивилизацию, стали такие города, как Ур, Урук, Ниппур, Аккад, Вавилон, Ашшур и Ниневия, расположенные на территории современного Ирака, неподалеку от Тигра и Евфрата или прямо на берегах этих рек.

Однако в начале христианской эры месопотамская цивилизация постепенно пришла в упадок и исчезла по причинам, о которых будет сказано ниже. Греки сумели сохранить некоторые из ее культурных и научных достижений, впоследствии ставшие частью нашего собственного наследия. Остальные либо безвозвратно исчезли, либо на протяжении многих столетий были погребены под толщей земли в ожидании археологов. Блестательное прошлое было забыто. В короткой человеческой памяти от всех этих великолепных городов, могущественных богов и правителей остались лишь единичные, нередко искаженные названия и имена. Губительный дождь, приносящие толщи песка ветры, иссушающее землю солнце скрыли свидетельства их существования. Пустынные холмы, под которыми были спрятаны руины Вавилона и Ниневии, пожалуй, являют собой лучший урок скромности из всех, что преподала нам история.

Две реки

Авторы различных работ часто цитируют знаменитые слова Геродота о том, что Египет – это дар Нила. Во многих отношениях то же можно сказать и о Месопотамии – она стала даром двух рек. С незапамятных времен Тигр и Евфрат приносили ил к подножию осадочных пород на территории между Аравийской платформой и Иранским нагорьем, создавая среди пустынь равнину, не имеющую аналогов во всем неплодородном регионе, простирающемся на протяжении более чем 3700 км от Инда до Нила. Повлияло ли на эту равнину также море? Иными словами, достигал ли в глубокой древности Персидский залив широты Багдада, постепенно отходя на юг с течением тысячелетий? На этом настаивают сторонники классической теории, на протяжении продолжительного времени считавшейся догмой и до сих пор нашедшей отражение в большинстве учебников.

Однако в 1952 г. появилась новая теория, согласно которой отложения, приносимые Тигром и Евфратом, оставались на дне медленно опускавшегося бассейна, вследствие чего береговая линия с течением времени изменилась незначительно. Действительно, есть ученые, которые считают, что в далеком прошлом она располагалась южнее, чем сейчас. Новая теория базируется на сведениях, добытых в основном при изучении окаменелостей, найденных на поверхности, и

на результатах, полученных в ходе изучения русел древних каналов и рек, проведенного с использованием аэрофото- съемки. Ее хорошо приняли геологи, но археологи сохранили скептическое отношение к ней, хотя поверхностные находки, сделанные в районе Басры, могут способствовать проведению новых исследований в данной малоизученной области. В любом случае решение этой крайне интересной проблемы можно найти, сравнив сведения, полученные в ходе изучения источников, данные археологии, геологии и гидрографии. Этот процесс в настоящее время далек от завершения, из-за чего лучше всего пока оставить данный вопрос открытым.

Истоки обеих рек – и Тигра, и Евфрата – находятся на Армянском нагорье, первой из них – к югу от озера Ван, а второй – рядом с горой Арарат. Евфрат, длина которого составляет примерно 2860 км, сначала, извиваясь, течет через Турцию, в то время как гораздо более короткий Тигр (1850 км) практически сразу берет курс на юг. Там, где реки стекают с Таврских гор, их разделяют всего примерно 402 км голой степи. Евфрат, который в районе Джераблуса находится всего в 160 км от Средиземного моря, поворачивает на юго-восток и лениво течет по направлению к Тигру. Неподалеку от Багдада они, разделенные всего 32 км, почти сливаются, но вскоре расходятся снова и не встречаются до тех пор, пока не достигают Курны, расположенной в 80 км к северу от Басры, где образуют Шатт-эль-Араб. Однако в древности этой

прекрасной широкой реки не было – тогда Тигр и Евфрат впадали в море отдельно друг от друга. Эту общую модель течения рек можно разделить на две составляющих. К северу от линии Хит – Самарра долины обеих рек четко прослеживаются. Два потока прорубают свой путь через плато из твердого известняка и глинистого сланца, в результате чего их берега получились довольно крутыми. Благодаря этому с течением времени русла Тигра и Евфрата сдвинулись лишь незначительно.

Такие древние города, как Каркемиш, Мари, Ниневия, Нимруд и Ашшур, как и тысячелетия назад, находятся на берегах рек или неподалеку от них. Однако к югу от выше-названной линии долины смешиваются и формируют широкую и плоскую аллювиальную равнину, некогда называвшуюся Месопотамской дельтой, по которой реки текут под таким незначительным уклоном, что сильно изгибаются и образуют многочисленные притоки. Как и все подобные реки, они поднимают свое русло, из-за чего нередко текут выше уровня равнины. Из-за этого появляется тенденция к формированию постоянных озер и болот и частой смене направления течения. Это объясняет тот факт, что города, расположенные на юге Междуречья, некогда находившиеся на берегах Евфрата и его притоков, в настоящее время погребены под пустынными холмами из ила, лежащими в нескольких километрах от современных русел рек. Изменения направления течений рек – предмет крайне сложный для ре-

троспективного изучения и точной датировки, но в древности они определенно имели место. Примечательно, однако, что жители Древней Месопотамии умели держать свои реки под контролем – Евфрат тек примерно по одному и тому же руслу на протяжении примерно трех тысячелетий, неся свои воды мимо Сиппара, Вавилона, Ниппура, Шуруппака, Урука, Ларсы и Ура, то есть на 24–80 км к востоку от его современного русла. Нам все еще совсем не много известно о направлении течения Тигра в Южной Месопотамии, особенно к югу от Кут-эль-Амары, но мы надеемся, что метод разведки, при котором изучается лежащая на поверхности керамика, созданный учеными из Восточного института Чикаго и успешно примененный ими в долине реки Диялы и в центральных областях Шумера и Аккада, однажды поможет пролить свет на решение этой крайне важной проблемы исторической топографии.

Климат в центральной и южной частях Ирака является одной из разновидностей сухого субтропического. Летом температура достигает там 120 градусов по Фаренгейту (50 °C), а среднее количество осадков зимой не превышает 25 см. Таким образом, местные земледельцы полностью зависят от искусственного орошения, хотя размеры и профиль равнины, а также интенсивность потоков рек не позволяют им прибегнуть к дешевому и простому «бассейновому» способу орошения, который применялся, например, в Египте, где Нил во время разлива свободно заливал долину, а затем его

воды отступали. Так как разлив Тигра и Евфрата приходился на период между апрелем и июнем, когда уже слишком поздно для озимых, но еще рано для летних посадок, для полива полей было необходимо приложить усилия, и делалось это с помощью системы каналов, бассейнов, рвов, шлюзов-регуляторов и т. д. («круглогодичное орошение»).

Создание эффективной системы каналов и предохранение их от заиливания были грандиозными задачами, которые приходилось выполнять постоянно и которые требовали огромных трудовых ресурсов и совместной работы представителей сразу нескольких демографических групп. Именно это стало причиной местных конфликтов и политического единства. Но и это не все: год за годом месопотамские земледельцы опасались двух смертельных угроз. Самой коварной из них было скопление на плоских низинных участках соли, поступавшей с водой через оросительные сооружения и откладывавшейся на горизонте грунтовых вод, расположенном прямо под земной поверхностью. Если не делать искусственный дренаж (а он, судя по всему, не был известен в древности), плодородные поля за относительно короткий промежуток времени могут превратиться в бесплодные, и поэтому со временем людям приходилось оставлять все большие участки земли, постепенно превращавшиеся в пустыню.

Другая угроза была связана с непредсказуемой интенсивностью потоков обеих рек. В то время как озера Восточной Африки, из которых вытекал Нил, регулировали скорость

его потока, благодаря чему его разливы происходили ежегодно и для них была характерна примерно одна и та же высота, предсказать высоту разливов Тигра и Евфрата было невозможно, так как она зависела от постоянно изменявшегося количества осадков, выпадавших в горах Армении и Курдистана. Если невысокие разливы, происходившие на протяжении нескольких лет, обозначали засуху и голод, то одного слишком сильного было достаточно для катастрофы. Реки выходили из берегов и заливали низины. Хлипкие дома из сырцового кирпича и тростниковые хижины смывало, урожай, скот и пожитки большей части населения оказывались под мутной водой огромного озера. Эту ужасную картину никогда не забудут те, кто стал свидетелем сильнейшего наводнения, произошедшего в Ираке весной 1954 г. Таким образом, можно сказать, что Месопотамия всегда находилась между двух крайностей – пустыней и болотом. Считается, что эта двойная угроза и связанная с ней неуверенность в завтрашнем дне привели к появлению «фундаментального пессимизма», который, по мнению некоторых авторов, был характерен для философии Древней Месопотамии.

Несмотря на эти недостатки, равнина, по которой текут Тигр и Евфрат, вполне пригодна для земледелия, а в древности, до значительного засоления почвы, она была еще более плодородной. Все население Древнего Ирака с легкостью могло прокормиться благодаря сельской местности и обменивать излишки урожая на металлы, древесину и камень, ко-

торые приходилось привозить издалека. Хотя выращивались пшеница, в том числе эммер, просо и кунжут, основной злаковой культурой был (и до сих пор остается) ячмень, так как он растет на слегка засоленных почвах. Как того и следовало ожидать, методы, использовавшиеся в земледелии, были довольно примитивными, хотя в то же время вполне основательными. Они подробно описаны в довольно интересном источнике, написанном около 1700 г. до н. э. и названном историками «Альманахом шумерского земледельца». Согласно этому тексту, представляющему собой сборник советов земледельца своему сыну, сначала поле умеренно поливали, затем выгоняли на него подкованных быков, которые его вытаптывали, а потом аккуратно разрыхляли почву с помощью топоров. Пахоту и сев проводили одновременно – с помощью деревянного плуга-сеялки, углублявшегося «на два пальца» в почву и делавшего борозды на расстоянии примерно 0,6 м друг от друга. Затем, когда ячмень уже рос, поле снова поливали два или три раза. В этом же источнике также описываются сбор урожая, молотьеба с помощью повозок и салазок, то, как зерно веяли. Как и в Книге Руфь, автор «Альманаха земледельца» советует: «Во время дневной жатвы, как в «дни лишений», пусть на земле останется немного зерна в помощь молодым и сборщикам колосьев по их числу». Иными словами, крестьянину следовало оставить на земле часть упавших колосьев.

Первый раз поле поливали и вспахивали в мае – июне,

а основная часть урожая, как правило, созревала в апреле следующего года. Но после зимних дождей всегда вырастали промежуточные культуры. Земля была настолько плодородной, что цифры, приведенные Геродотом и Страбоном через 200–300 лет, не кажутся преувеличенными. Основываясь на клинописных текстах, исследователи подсчитали, что урожай пшеницы, который получали жители крайнего юга Ирака примерно в 2400 г. до н. э., можно сравнить с тем, который современные канадские фермеры собирают со своих лучших полей. Теплый и влажный климат юга Месопотамии и обилие воды для полива также позволили выращивать финиковые пальмы, которые обычно окаймляют берега рек и каналов, «опуская ноги в воду и поднимая голову к палящему солнцу» (так о них говорится в арабской пословице).

Благодаря источникам мы знаем, что уже в 3-м тыс. до н. э. в Шумере были обширные пальмовые рощи, а его жители умели проводить искусственное опыление. Основу рациона обитателей Древнего Ирака составляли мука и финики, обладающие большой питательной ценностью. В то же время на незасеянных участках и на полях, оставленных под паром, выращивали и пасли крупный рогатый скот и овец, а в реках, каналах и прудах в обилии водилась рыба. В садах, укрытых от солнца пальмовыми рощами и орошаемых с помощью довольно простого приспособления (*далу*), которое местные крестьяне используют до сих пор, не изменив даже его название, зрели различные овощи и фрукты. Нет ника-

ких сомнений в том, что, за исключением нечастых периодов голода, вызванного войной или стихийными бедствиями, обитатели Месопотамии могли позволить себе питаться весьма разнообразной едой, что выгодно отличало их от соседей, живших в Сирии, Иране и Малой Азии.

Местные особенности

Вплоть до настоящего момента наше внимание было сосредоточено на основной оси месопотамского треугольника – равнине между двумя реками, однако, обратив внимание на территории, расположенные на периферии, мы увидим, что тамошний климат и ландшафт отличает ряд особенностей. Исключив из сферы своего внимания специфику местечкового характера, мы сможем выделить четыре зоны: пустыню, степь, предгорья и болота.

На протяжении всего течения Евфрата ландшафты сменяют друг друга: на севере возвышаются холмы, в центре местность рассечена глубокими вади, на юге преобладает ровная, ничем не примечательная поверхность, а на западе со всеми этими территориями граничит пустыня, простирающаяся на сотни километров – вплоть до самого сердца Аравии. Эта огромная Сирийско-Аравийская пустыня, однако, была чуждой жителям Древней Месопотамии. Линия, отделяющая ее от долины Евфрата, также маркирует границу, за которую не заходили поселения доисламского времени. В подавляю-

щем большинстве шумеры и вавилоняне были земледельцами. В отличие от арабов они отвернулись от пустыни и не покидали «хорошую землю», созданную плодородными наносными отложениями. Однако им приходилось считаться с грубыми кочевниками, нападавшими на их караваны, города и деревни и даже вторгавшимися в их страну, как это сделали в начале 2-го тыс. до н. э. амореи, а через 800 лет – арамеи. Как будет сказано ниже, многие страницы истории Древнего Ирака посвящены этой многовековой борьбе оседлого населения плодородных равнин с враждебными им племенами из западной пустыни.

Следует добавить, что и в различных частях самой Месопотамии имели место погодные условия, характерные для пустыни. Пустыня не только угрожала местности, расположенной между двумя реками, грозя занять место посевов и пальмовых рощ, как только Тигр и Евфрат изменят свое течение или заилются каналы, но и занимала значительные территории на левом берегу Тигра и среднего течения Евфрата, где безжизненную местность, малонаселенную даже в лучшие времена и расположенную далеко от основных торговых путей, покрывали вади и соленые озера.

В северо-западной части Месопотамии, за пределами узкой горной гряды, образованной горами Абдулазиз и Синджар, вплоть до предгорий Тавра больше чем на 400 км простерлась равнина, названная арабами Эль-Джазира, «остров», и отделяющая Тигр от Евфрата. По этому региону раз-

брошены многочисленные речушки, собирающиеся вместе, чтобы дать начало рекам Балих и Хабур, притокам Евфрата. Более чем достаточные осадки дополняет обширный и неглубоко расположенный горизонт грунтовых вод, пополняющийся благодаря снегу с расположенных неподалеку гор. Поля и фруктовые сады простираются вдоль рек или теснятся у близлежащих источников или колодцев. Ячейки этой зеленой цепи дополняются степью, которая весной покрыта травой и является превосходным местом для разведения скота, овец и лошадей. Эта плодородная равнина создает естественный «коридор», переходную зону между долиной, расположенной в верхнем течении Тигра, и равнинами Северной Сирии. Поразительно обильное скопление теллей, под которыми скрываются руины древних городов и деревень, свидетельствует о том, что в древности эта местность была густо заселена.

Отдельный интерес для историков представляет северо-восточная оконечность Ирака, район предгорий, находящийся между Тигром и горами Курдистана. Там количество ежегодных осадков варьируется от 30,5 до 63,5 см. Местность вдоль реки из холмистой равнины превращается в скопление параллельных складок, высота которых постоянно увеличивается, и переходит в обладающие неровной поверхностью и покрытые снегом вершины горного хребта Загроса (их высота варьируется от 2,4 до 3,5 км), отделяющего Ирак от Ирана. Четыре притока Тигра: Большой Заб, Малый

Заб, Ботан и Дияла – под наклоном текут через этот регион, иногда прорезая глубокие тоннели в толще известняковых скал, а порой обходя их. Летом здесь жарко, а зимой довольно прохладно. Сейчас на холмах почти ничего не растет, но то тут, то там на их склонах заметны то луг, то небольшая дубовая или сосновая роща, в то время как в довольно высоко расположенных долинах прекрасно растут ячмень, пшеница, фруктовые деревья, виноградники и овощи. Ставшая настоящим домом для первобытных пещерных людей и колыбелью (вернее, одной из колыбелей) земледелия на Ближнем Востоке эпохи неолита и самым сердцем Ассирийского царства, эта привлекательная местность играла весьма важную роль в истории Месопотамии. Даже в период существования Ассирии цивилизация не выходила за пределы плодородной земли, расположенной у подножий холмов. Сами горы, которые сложно преодолеть и легко защищать, стали границей, за которую спорили месопотамские правители, стоявшие во главе своих армий, и горцы-«варвары», подобно жившим в западной пустыне бедуинам, сильно желали получить под свой контроль богатые города, находящиеся на равнине, чем порождали ужас в сердцах их жителей.

В противоположном конце Ирака, в южной части дельты Тигра и Евфрата, простираются болота, образующие отдельный регион, совсем не похожий на всю остальную Месопотамию. Из-за бесчисленного множества мелких озер, узких русел речушек, извивающихся по густым зарослям тростни-

ка, живущих там водяных буйволов, кабанов и диких птиц, москитов и удушающей жары это место стало одним из самых странных, труднодоступных и захватывающих регионов мира. Хотя они могли различаться по размеру и форме, судя по древним памятникам и источникам, эти области существовали всегда, и, действительно, маданы, или озерные арабы, в некоторой степени сохранили образ жизни, который вели шумеры, поселившиеся на краю болот более пяти тысячелетий назад. С точки зрения археологии иракские болота во многом являются *terra incognita*. Судя по словам путешественников, следы древних поселений здесь встречаются крайне редко. Возможно, причина этого заключается в том, что они представляли собой деревни из тростниковых хижин, подобные современным, успевшие полностью исчезнуть или оказаться погребенными под несколькими метрами ила и воды. Однако исследователи надеются, что применение современных методов (таких, как, например, разведка с помощью вертолетов) позволит лучше изучить эту местность, представляющую для историков значительный интерес.

Таким образом, под кажущимся единообразием скрывается настоящая страна контрастов, которой и является Ирак. Если расположенные на севере степи и простирающиеся на юге болота можно считать местными особенностями огромной Месопотамской низменности, то ее топография, климат и растительность значительно отличаются от характерных для региона, находящегося в предгорьях, и эти различия не

могли не сыграть определенную роль в истории. На протяжении всей эпохи древности наблюдалось противостояние, порой едва заметное и прослеживающееся только по различиям в культуре, а иногда открытое и перераставшее в ожесточенные конфликты между севером и югом, или, если использовать терминологию политической географии, между Шумером и Аккадом и Ассирией.

Торговые пути

Задолго до того, как они узнали о том, что под их ногами скрываются богатые запасы нефти, жители Ирака использовали исходное вещество, битум, которое они получали из мест выхода нефти, имеющих в разных частях страны, особенно в районе среднего течения Евфрата, между Хитом и Рамади. Его применяли не только в строительстве (в качестве строительного раствора для кирпичной кладки и водостойкой облицовки бань и дренажей), но и при создании скульптур, мозаик. Битумом конопатили лодки, применяли его в качестве топлива и даже лекарства. В нашем распоряжении имеются сведения, согласно которым по крайней мере на протяжении некоторых периодов истории жители Месопотамии экспортировали его.

Однако битум был единственным минеральным веществом, доступным жителям Месопотамии, в которой, наделенной плодородными почвами, почти полностью отсутство-

вали запасы металлических руд, камня и качественной древесины. Эти товары привозили издалека уже в доисторические времена, что позволило культуре бронзового века развиваться на территории, где ощущалась острая нехватка металла. Считается, что медь впервые была открыта на северо-западе Ирана или на Кавказе либо, возможно, ее сначала привозили из Азербайджана или Армении. Однако вскоре были обнаружены альтернативные источники ее добычи, такие как Анатолия (где впоследствии производилось железо), Кипр и страна, которая в клинописных текстах названа Маганом и предварительно была отождествлена с покрытой горами частью Омана. До того как финикийцы в 1-м тыс. до н. э. привезли олово из Испании, его, очевидно, доставляли из Ирана, с Кавказа или, возможно, даже из Афганистана. Серебро в основном доставляли из Таврских гор, а золото – из различных месторождений, разбросанных между Египтом и Индией. Из нескольких областей Ирана экспортировали твердые породы камня, а также полудрагоценные камни, а Маган славился превосходным черным диоритом, добывавшимся в нем и использовавшимся скульпторами эпохи правления III династии Ура. Обычную древесину можно было найти неподалеку от гор Загроса, но драгоценный кедр привозили из Ливана или из окрестностей горного хребта Аманос, в то время как другие виды древесины доставляли по морю из загадочной страны Мелуххи (возможно, так в древности называли Индию). Таким образом, уже в глубокой

древности сформировалась обширная сеть торговых путей, соединявшая различные части Месопотамии между собой и со всем остальным Ближним Востоком.

Из одной части самого Междуречья в другую часто добирались по воде. Тигр и Евфрат были весьма удобными водными магистралями, соединявшими север и юг Месопотамии, а самые крупные из оросительных каналов также можно было использовать для передвижений между городами и деревнями. Оценить преимущества такого способа передвижения можно, вспомнив, что сами каналы являются препятствием для передвижений по земле, вся равнина покрыта толстым слоем ила зимой, залита водами разлившихся рек весной, а единственными вьючными животными до 1-го тыс. до н. э., когда стали активно использовать верблюдов, были ослы.

За пределами Месопотамии две основные дороги вели на запад – в сторону Сирии и Средиземноморского побережья. Несомненно, они представляли собой простые пустынные тропы, так как мощные дороги, начинавшиеся у ворот некоторых городов, вряд ли были очень длинными. Первый путь отходил от Сиппара (недалеко от современного города Эль-Фаллуджа, на широте Багдада), шел вдоль Евфрата вплоть до Мари или другого центра торговли, расположенного в районе Абу-Кемаля и Дейр-эз-Заур, и, перерезав пустыню через Тидмур (Памиру), достигал района Хомса, где разделялся на несколько дорог, ведущих в финикийские порты, Да-

маск и Палестину. Идти летом через пустыню шириной около 482 км было неудобно. Кроме того, постоянно существовала угроза нападения кочевников. Поэтому караваны и войска, как правило, предпочитали второй путь, гораздо более длинный, но безопасный, где можно было без проблем найти воду и корм для животных. Он отходил от Тигра в районе Ниневии, что напротив современного Мосула, шел по степи Эль-Джазире с востока на запад, через Шубат-Энлиль (возможно, тель Чагар-Базар), Гузану (Тель-Халаф) и Харрану (Харран), пересекал Евфрат в районе Каркемиша (Джераблус) или Эмара (Мескене), проходил через Алеппо или мимо него и заканчивался в долине Оронта, разделяясь на дороги, ведущие к Средиземноморскому побережью и в центральную часть Сирии. От различных отрезков этого пути в северо-западном направлении отходили другие дороги, большинство из которых заканчивалось в Киликии или Анатолии. Из Ниневии также можно было попасть в Армению и в Восточную Анатолию, двигаясь вдоль Тигра до Диярбакыра, а затем преодолев Таврские горы через узкие перевалы.

Добраться до районов, расположенных на востоке, было гораздо труднее. Как правило, племена, жившие в горах Загроса, были настроены к путешественникам довольно враждебно, да и сами горы являлись труднопреодолимой преградой, миновать которую можно было только в трех местах: в районе Райата (недалеко от Равандуза), Халабджи (к юго-востоку от Сулеймании) и Ханакина (в верхнем течении Ди-

ялы). Через проходы в Райате и Халабдже можно было попасть в Азербайджан и к берегам озера Урмия, перевал в Ханакине вел к Керманшаху, Хамадану, а затем на Иранское нагорье. Четвертая дорога, расположенная намного южнее, шла параллельно Загросу из Дера (недалеко от Бадры) в Сузы (Шуш, рядом с Дизфулем) – столицу Элама. На ней не встречались препятствия, так как нижние долины рек Керхи и Каруна, где располагался Элам, были продолжением Месопотамской равнины. Однако эламцы являлись традиционными соперниками жителей Междуречья, из-за чего по этой дороге чаще ходили войска, чем мирные караваны.

Последний из основных торговых путей, соединявших Ирак с остальным миром, проходил через Персидский залив, который называли «Нижним морем» или «Морем восходящего солнца». Начиная с раннеисламского времени и вплоть до настоящего момента Персидский залив является «легкими» Ирака, широко открытым окном в Индию и на Дальний Восток, но определить, какую роль он играл в хозяйстве Древнего Ирака, сложно. Связи между Месопотамией и Индией сформировались еще в глубокой древности, но в нашем распоряжении нет свидетельств, позволяющих утверждать, что по морю эти контакты осуществлялись чаще, чем по суше. В клинописных текстах, датированных концом 3-го тыс. до н. э. и более поздним временем, присутствуют частые упоминания о кораблях, плывущих из Ура в Дильмун (Бахрейн), Маган и Мелухху. Кроме того, нам известно, что цари Ак-

када (примерно в 2300 г. до н. э.) и Ассирии (в 1-м тыс. до н. э.) сумели включить страны, находящиеся на берегах Персидского залива, в сферу своего экономического и политического влияния.

Благодаря этому краткому и неполному описанию становится понятно (вопреки широко распространенному мнению), что в Месопотамии не было идеальных условий для появления в ней самобытной цивилизации. Две реки Междуречья сформировали плодородную дельту, но они приносили с собой не только богатство, но и бедствия. Постоянно прилагая значительные усилия, местные жители могли поставить земледелие на широкую ногу, но им остро не хватало металлов, камня и древесины. Долину со всех сторон окружали пустыни и высокие горы, где жили враждебно настроенные племена, из-за чего ее обитатели могли попасть к морю, граничившему с весьма недружелюбными землями Аравии и Персии протяженностью 800 км, только по одному узкому проходу. Учитывая все обстоятельства, можно прийти к выводу, что условия в расположенной на севере степи и в предгорьях Курдистана были гораздо более благоприятными, чем на плодородной равнине. Не случайно именно в этих регионах зародились культуры месопотамского неолита и раннего меднокаменного века. Однако свою форму цивилизация Междуречья приняла на крайнем юге, на краю болот. Чего бы ни достигли жители Древнего Ирака, удалось им это только благодаря неустанной борьбе с природой и дру-

гими людьми, красной нитью проходящей через всю историю этой части света. Прежде чем продолжить рассказ, следует поговорить об источниках, из которых историки черпают сведения, необходимые им для работы.

Глава 2

В поисках прошлого

Для того чтобы реконструировать прошлое, историки используют источники двух типов: письменные и вещественные. К последней категории относятся все артефакты, начиная с изысканнейшего здания и заканчивая самой неприглядной кухонной утварью. В то время как при изучении относительно недавней истории вещественные источники имеют относительно небольшое значение, чем более отдален исследуемый период по времени, тем более важную роль они начинают играть. К примеру, ученый, изучающий историю XIX в., в основном работает в архивах и очень редко обращается к планам домов и церквей, в то время как архитектурные детали крайне важны для его коллеги, пишущего о Троянской войне или демократии в Афинах, так как письменные источники, освещающие эти проблемы, немногочисленны и их необходимо дополнять информацией, получаемой из любых других достоверных источников. Так как историки не имеют прямого доступа к подобным вещественным источникам, им, как правило, приходится полагаться на труды, написанные людьми, основной задачей которых являются раскопки древних городищ и некрополей, – полевыми археологами.

Историки, изучающие Ближний Восток в древности, в еще большей степени зависят от археологов, чем занимающиеся Античностью, так как в Месопотамии, Египте и Палестине артефакты и письменные источники по причинам, о которых речь пойдет ниже, глубоко погребены в земле, а значит, добыть их можно только посредством раскопок. Археологические раскопки начали проводиться в Ираке в 1843 г. и с тех пор непрерывно продолжались. Первоначально ими занимались гениальные непрофессионалы, но затем, в начале XX в., когда стало ясно: пополнение музейных коллекций предметами искусства не самоцель и гораздо важнее понять, как в то далекое время жили люди, – раскопки начали проводиться в соответствии с научными стандартами. С другой стороны, сама природа их работы – то, что они имеют дело с такими хрупкими вещами, как кирпич-сырец и глиняные таблички, а также необходимость слой за слоем уничтожать место, где некогда жили люди, чтобы «оказаться» в более отдаленном прошлом, заставила археологов разработать качественную и эффективную методику. В страну прибыли команды специалистов, получивших подготовку и финансовую поддержку от европейских и американских музеев, а также университетов и взявшие на вооружение все последние достижения современной науки, чтобы руководить опытными рабочими, орудующими лопатами и кирками, и контролировать их действия. В середине XX в. были тщательно изучены более тридцати памятников, включая практически все

основные города Древнего Ирака, и «заговорило» более сотни холмов. Этой международной команде археологов удалось достичь поразительных результатов. Мы сумели полностью пересмотреть все, что нам было известно об истории Древней Месопотамии, и расширить свои познания. Историки, которым еще 100 лет назад приходилось опираться на немногочисленные и разрозненные сведения, содержащиеся в Библии и в сочинениях нескольких античных авторов, теперь признаются, что им с трудом удается справляться с огромным объемом данных, год за годом поступающих в их распоряжение, и выражают огромную благодарность археологам.

Таким образом, одной вежливости было бы достаточно для того, чтобы написать эту главу, но на это имелись и другие причины. На протяжении всей книги будут упоминаться холмы, или телли, под которыми погребены руины древних иракских городов; мы будем ссылаться на слои, а также, по возможности, приводить абсолютные и относительные датировки. Нам показалось, что читателю, возможно, с самого начала следует понять, о чем пойдет речь дальше и что рассказ о предметах, методах и развитии науки, которая в настоящее время называется «археологией Месопотамии», станет лучшим способом удовлетворить его любопытство.

Погребенные города Ирака

В большинстве своем туристы оказываются не подготовленными к первой встрече с древними городами Ирака. Их приводят к холму, возвышающемуся над равниной, и говорят, что некогда здесь находился древний город. Подойдя ближе, они могут увидеть такие потрясающие памятники, как ступенчатая башня в Уре или ворота Иштар в Вавилоне, но в большинстве случаев им приходится довольствоваться остатками сооружений из сырцового кирпича и грудями земли, усеянной осколками керамики. Вполне естественно, что путешественники остаются в недоумении и пытаются понять, как это произошло.

Для того чтобы ответить на данный вопрос, следует для начала объяснить, что все эти древние города были построены из глины. Камень встречается в Ираке крайне редко, в то время как глина всегда под рукой. В глубокой древности дома представляли собой нагромождения этого материала или были сложены из бесформенных комков глины, однако вскоре ее стали смешивать с сеном, галькой или черепками, формовать кирпичи, сушить их на солнце и скреплять между собой с помощью гипсового раствора. Это позволяло строить более широкие, крепкие и ровные стены. Конечно, кирпичи, высушенные в печи, были более прочными, особенно когда материал для них смешивали с битумом, но стои-

ли они дороже, так как дров было немного, а битум привозили из относительно отдаленных районов. Поэтому из обожженных кирпичей, как правило, строили дома богов и царей (конечно, существовали и исключения), а подавляющее большинство зданий в Древней Месопотамии было сложено из кирпича-сырца. В качестве крыши использовали циновки из тростника и ветвей деревьев, на которые насыпали землю. Полы были земляными, но иногда покрывались гипсом. На стены, как правило, накладывали слой глиняной штукатурки.

Эти дома с толстыми стенами были относительно удобными – летом в них царила прохлада, а зимой было тепло, но они требовали к себе постоянного внимания. Каждое лето приходилось покрывать крышу новым слоем глины, чтобы зимой, во время дождей, вода не протекала внутрь, а полы нужно было постоянно поднимать. Причина этого заключается в том, что в древности мусор не собирали, а выбрасывали на улицу, поэтому уровень дневной поверхности повышался и полы граничащих с ней домов оказывались расположенными ниже, из-за чего внутрь попадали дождевая вода и грязь. Поэтому в комнаты приносили землю, разбрасывали ее по поверхности старого пола, выравнивали и покрывали новым слоем гипса. В одном и том же доме археологи нередко находят два, три и больше пола, положенные друг на друга. Если хозяева делали все необходимое, дом из кирпича-сырца мог прослужить на протяжении очень мно-

гих лет. Но однажды могло произойти нечто из ряда вон выходящее. Что бы ни случилось: война, пожар, эпидемия, потоп или изменение русла реки, – результат был один: часть жителей или все они покидали город. Оставленные без присмотра крыши падали, а стены, с обеих сторон подверженные воздействию непогоды, обрушались, заваливая внутренние помещения и скрывая под собой вещи, оставленные хозяевами дома. В случае войны разрушения происходили гораздо быстрее, так как завоеватели, как правило, поджигали захваченные ими города.

Через несколько лет на это место могли прийти новые поселенцы, привлеченные его расположением, выгодным с точки зрения стратегии или торговли либо благодаря доступности источников воды, либо ведомые религиозными чувствами – стремлением оказаться под защитой бога, являвшегося покровителем данного города. Так как новым поселенцам нечем было убирать огромные горы строительного мусора, они сравнивали с землей разрушенные стены и использовали их в качестве оснований для своих собственных зданий. На протяжении определенного периода эти процессы могли происходить несколько раз, слои накладывались друг на друга, а уровень, на котором располагалась территория самого города, постепенно оказывался выше уровня окружающей его равнины. Конечно, некоторые поселения оказывались заброшенными через незначительное время после их основания, и люди туда больше не возвращались; другие, такие как

Эрбиль и Киркук, более или менее постоянно использовались с глубокой древности и продолжают существовать в наше время. Однако подавляющее большинство городов в тот или иной период продолжительной истории Ирака было покинуто жителями через несколько столетий или тысячелетий после их основания. Несложно представить, что происходило после этого. Поднятые ветром песок и земля засыпали остатки стен, заполняли собой улицы и все доступные отверстия, в то время как дождевая вода выравнивала поверхность развалин, из-за чего их остатки оказывались разбросанными по достаточно обширной территории. Медленно, но неотвратно город принимал тот облик, к которому мы привыкли, – закругленного холма более или менее правильной формы, для названия которого арабы используют древнее, возникшее еще в доисламскую эпоху слово – «телль».

Задача археолога заключается в том, чтобы аккуратно разрезать эту плотно спряденную ткань из стоящих и упавших стен, фундаментов и камней, полов и земляных насыпок и таким образом восстановить планировку домов, собрать и сохранить найденные в них артефакты, выявить и датировать слои, из которых состоит телль. В зависимости от количества времени и средств, имеющихся в их распоряжении, они выбирают один из нескольких методов работы.

Самым быстрым и простым способом узнать, что находится внутри телля, является шурфование. В поверхности холма под различными углами выкапываются несколько тран-

шей. По мере углубления траншей из них вынимают предметы, в частности керамику, позволяющие сделать датировки, и фиксируют на плане места, где были обнаружены остатки полов или фрагменты стен. Этот метод несовершенен и может применяться лишь при предварительной разведке или во время работы на относительно малозначимых памятниках. На высоких и узких теллях используется несколько иная разновидность шурфования – длинная траншея прорезается не наверху, а сбоку холма, от верхушки до основания (примерно так разрезают рождественский пудинг). Таким образом можно обнаружить впечатляющую стратиграфию, состоящую из множества различных слоев, хотя подобный способ не позволяет дать характеристику отдельным постройкам.

Другой метод, в теории идеальный, заключается в разделении поверхности телля на квадраты, каждый из которых раскапывается до определенной глубины, а затем этот процесс повторяют – копают до тех пор, пока не достигнут конца горизонтального слоя. Находки, сделанные в каждом отдельном квадрате и слое, нумеруются, а их местонахождение отмечается на плане. В ходе работы памятники постепенно обретают форму. Из-за продолжительности и дороговизны работы этот метод используется очень редко. Единственный пример его применения на Ближнем Востоке – раскопки города Библа (современный Джебейль), расположенного на территории Ливана, на берегу Средиземного моря, которые ведутся там с 1926 г.

Как правило, археологи используют метод, который можно назвать «расширенным шурфованием». На поверхности телля тщательно выбирают определенный участок, на котором выкапывают траншею. Как только показываются стены, археологи начинают «идти» вдоль них с обеих сторон, пока не раскапывают все здание. Таким образом поступают с несколькими участками, которые в итоге могут соединиться друг с другом. В случае необходимости археологи могут «пойти» глубже, чтобы изучить слои, находящиеся под расположенными сверху, а значит, наиболее поздними постройками, которые ученым приходится разрушить, чтобы добраться до более древних сооружений. В одном или двух местах может быть сделан разведочный шурф, позволяющий составить представление обо всей стратиграфии холма. Некоторые части телля по необходимости оставляют нераскопанными, но это не так важно, если археологам удастся обнаружить основные здания, такие как храмы и дворцы, а также такое количество частных домов, которое позволяет делать какие-либо значимые выводы. С помощью этого метода были изучены (или продолжают исследоваться) Нимруд, Вавилон, Ур, Урук, Ниппур и все основные городища Ирака, и археологам, выполняющим эту работу, как правило, удастся добиться неплохих результатов.

Датируя прошлое

Датировка обнаруженных памятников и артефактов может быть сделана с легкостью, а может оказаться задачей крайне сложной. Очевидно, здание, сложенное из кирпичей с клеймом «Дворец Саргона, царя Ассирии», можно датировать благодаря самому этому факту, при условии, что нам известно, когда правил Саргон. Но это скорее исключение. На подавляющем большинстве находок (и на всех, относящихся к доисторической эпохе), сделанных во время археологических раскопок, отсутствуют какие-либо надписи. В подобных случаях датировка может быть только приблизительной, «относительной». Для того чтобы установить, когда был создан тот или иной артефакт, изучают его форму, размеры и стилистические особенности. Опыт, накопленный в ходе раскопок многочисленных теллей, позволил археологам понять, что кирпичи определенного размера, сосуды той или иной формы или украшенные конкретными узорами, оружие, относящиеся к конкретным типам, и т. д. находят исключительно (или в основном) в определенных слоях. Вместе они образуют один культурный горизонт. Если хотя бы на одном из этих предметов присутствует «дата» либо если он найден неподалеку от памятника, датированного иным способом, или имеет с ним несомненную связь, то весь культурный горизонт может быть связан с определенным периодом.

Когда это не удается, археологи пытаются соотнести время, когда использовались эти артефакты, с более ранними или поздними периодами. К примеру, на ряде памятников Южной Месопотамии, в слоях, расположенных непосредственно под культурным горизонтом, для которого, помимо всего прочего, характерны плосковыпуклые кирпичи (одна их сторона плоская, а другая – закругленная), и сразу над слоем, где преобладает простая керамика темного или красного цвета, находят расписные сосуды определенного типа (так называемую керамику типа Джемдет-Наср). Благо даря различным надписям ученые сумели отнести плосковыпуклые кирпичи к 3-му тыс. до н. э. (раннединастическому периоду, ок. 2800–2350 до н. э.). Простая керамика не датирована, но относится к культурному горизонту, названному «урукским» в честь памятника, где он впервые был обнаружен. Таким образом, для слоя, где находится керамика типа Джемдет-Наср, можно установить относительную датировку – данная культура существовала в период между урукским и раннединастическим периодами и закончила свое существование около 2800 г. до н. э. То, сколько продлилась эта эпоха, совсем другой вопрос, но, по крайней мере, у нас появляется возможность делать более или менее точные подсчеты.

При изучении истории важно представить датировки в виде цифр. Довольно интересно узнать, как это получается и в какой степени таким числам стоит верить.

Древние греки вели счет лет от первой Олимпиады (776

до н. э.), римляне – от основания Рима (753 до н. э.), мусульмане – от хиджры (622 н. э.), а у нас есть собственное христианское летосчисление. Однако у жителей Древней Месопотамии вплоть до позднего времени, когда они приняли летоисчисление, использовавшееся Селевкидами (311 до н. э.), не было такой четкой системы хронологии. До этого они просто ссылались на годы царствования своих правителей. Делали они это с помощью нескольких способов:

1) просто обозначая год цифрами: «12-й год правления Набунаида (Набонида), царя Вавилона»;

2) каждый год правления каждого царя был назван в честь какого-либо важного события, например одержанной победы, свадьбы правителя, сооружения того или иного храма;

3) каждый год правления царя мог быть назван в честь сановника (эпонимного чиновника, или, как его называли ассирийцы, *лимму*).

Первая система датировки использовалась шумерами в глубокой древности и позднее, начиная с касситского периода; вторая – в новошумерский и раннеавилонский периоды; третья применялась только в Ассирии.

Жители Древней Месопотамии могли использовать эту систему летосчисления только в том случае, если у них был список названий лет правления каждого царя или эпонимов, а также перечень царей, входивших в каждую династию, с указанием продолжительности их правлений и, наконец, список династий, правивших в стране. Подобные перечни

существовали, и, к счастью, некоторые из них сохранились до нашего времени. Приведем несколько примеров.

*Список датировочных формул правителя Вавилона
Хаммурапи*

(Год 1) Хаммурапи стал царем.

(Год 2) Он установил справедливость в стране.

(Год 3) Он изготовил помост под тронем бога Нанны в Вавилоне.

(Год 4) Была построена стена (священного участка).

(Год 5) Он построил эн-ка-аш-бар-ра (?).

(Год 6) Он построил шир богини Лаз (?).

(Год 7) Урук и Исин захвачены.

(Год 8) Страна Эмутбал (была завоевана).

*Царский список Б, в который вошли представители
I Вавилонской династии*

Суму-абум, царь, 15 лет.

Суму-ла-Эль, 35 лет.

Сабиум, его сын, тоже (царь), 14 лет.

Апиль-Син, его сын, тоже, 18 лет.

Син-мубаллит, его сын, тоже, 30 лет.

Хаммурапи, его сын, тоже, 55 лет.

Самсу-илуна, его сын, тоже, 35 лет, и т. д.

Перечень лимму (фрагмент)

Шульмануашаред, царь Ассирии, (поход) против Урарту (Салманасар).

Шамшиилу военачальник против Урарту

Мардукреманни главный кравчий против Урарту

Беллишир государственный против Урарту

глашатай

Набуишдияукин *абаракку* против Иту'а

Панж-Ашшур-ламур *шакну*¹ против Урарту

Промежутки времени, которые охватывали эти списки, различались. В некоторых из них содержатся сведения только об одной местности или династии. В других, подобных приведенному выше Царскому списку Б, перечислялись представители нескольких династий, правивших, вероятно, одна за другой. Составители перечней, которые можно отнести к иной категории, были еще более амбициозны и приводили в них данные о представителях множества династий, правивших в нескольких государствах. К их числу относится знаменитый Шумерский царский список, в начале которого упоминаются мифические правители, жившие «до Потопа», а в конце стоит имя царя Синмагира (1827–1817 до н. э.), представителя I династии Исина.

Если бы Клавдий Птолемей, грек, живший в Александрии во 2-м тыс. до н. э., не поместил в свое сочинение в качестве приложения список всех правителей Вавилона и Персии от

¹ Наместник страны. (Примеч. пер.)

Набонасара (747 до н. э.) до Александра Македонского (336–323 до н. э.), мы не сумели бы соотнести даты, содержащиеся в царских списках, с годами, указанными в соответствии с христианским летосчислением. В этом перечне, так называемом Каноне царей, не только приведена продолжительность царствования каждого правителя, но и названы важные астрономические явления, происходившие в правление некоторых из них. Проанализировав несколько ассирийских табличек, мы можем восстановить длинный перечень *лимму*, живших в период, который начинается в правление Ададнирари II (911–891 до н. э.) и заканчивается царствованием Ашшурбанипала (668–631 до н. э.). В данном списке *лимму* также упоминаются основные астрономические явления, происходившие в этот период. В промежутке между 747 и 631 гг. до н. э. перечень *лимму* и Канон царей

Птолемея, как и содержащиеся в обоих этих источниках сведения о солнечных затмениях, передвижениях звезд и т. д., совпадают. Более того, астрономы доказали, что солнечное затмение, которое, согласно списку *лимму*, произошло на 10-м году правления царя Ашшур-дана, в месяце *сиване* (май – июнь), действительно имело место 15 июня 763 г. до н. э. Именно к этой дате можно прийти, двигаясь назад во времени и прибавляя друг к другу периоды правления царей, указанных в перечне. Таким образом, мы можем точно определить абсолютную хронологию истории Месопотамии начиная с 911 г. до н. э.

Хронология истории более ранних периодов имеет под собой гораздо более шаткое основание. В теории ее вполне можно установить по царским и династическим спискам, но содержащиеся в них данные зачастую оказываются неверными. Они не только заметно отличаются друг от друга, но и содержат множество лакун, ошибок писцов. Кроме того, в них последовательно перечислены династии, царствования представителей которых в реальности частично или полностью накладывались друг на друга. Поэтому читателю не стоит удивляться, если в различных учебниках он увидит разные цифры или заметит, что авторы периодически изменяют свою точку зрения. Например, еще семьдесят лет назад считалось, что правитель Вавилона Хаммурапи взошел на трон в 2394 г. до н. э.; после Первой мировой войны исследователи отнесли данное событие к 2003 г. до н. э., а в настоящее время ученые придерживаются мнения о том, что оно произошло между 1848 и 1704 гг. до н. э. (конкретная датировка зависит от системы расчетов, принятой различными исследователями). Так как дата восхождения Хаммурапи на престол является ключевой и позволяет установить хронологию событий, происходивших в 3—2-м тыс. до н. э., ее «перенос» на более позднее время имел весьма важные последствия, особенно связанные с историей отношений Месопотамии с другими регионами.

Данную тему нельзя закрыть, не упомянув о том, что недавно были предприняты попытки снабдить хронологию

Древнего мира более прочной научной базой, основанной на естественно-научных методах, в первую очередь на методе радиоуглеродного анализа, изобретенном в 1946 г. профессором У.Ф. Либби из Чикаго. Передавая его суть вкратце, отметим следующее: он основывается на том, что в составе всех живых существ присутствуют атомы обычного изотопа углерода – ^{12}C и радиоактивного изотопа – ^{14}C , который образуется в верхних слоях атмосферы из-за воздействия космических лучей на азот, выпадает на землю и впитывается растениями и телами животных. На протяжении жизни существа соотношение изотопов ^{12}C и ^{14}C остается неизменным – одна миллиардная грамма последнего на каждый грамм первого. После смерти, когда изотоп ^{14}C больше не усваивается, его часть, еще остающаяся в организме, медленно распадается через одинаковые промежутки времени, превращаясь в азот. Так как нам известен период полураспада ^{14}C , составляющий 5730 лет, мы можем установить, когда именно прекратил свое существование организм, а значит, и его «возраст». Данный метод может использоваться только в отношении органических материалов (таких, как кость, дерево, уголь, раковины, тростник и т. д.), обнаруженных в ходе археологических раскопок, но его применимость ограничена рядом факторов, в частности «стандартным отклонением» (ошибками при расчете периода распада), и иными неизбежными ошибками. Это значит, что, несмотря на

то огромное значение, которое данный метод имеет для истории первобытности, где отклонение на несколько столетий не так важно, он мало может помочь исследователям, пытающимся установить точную хронологию событий.

Археологические исследования в Ираке

Превращение некогда процветавших городов в тели произошло быстрее, чем кто-либо может подумать. Геродот в середине IV в. до н. э. еще видел Вавилон, но не захотел посетить Ниневию, разрушенную за полтора столетия до этого, а Ксенофонт, который вел 10 000 греческих наемников через Месопотамию в 401 г. до н. э., пройдя мимо столицы Ассирии, даже не заметил ее. Через четыре столетия, говоря о Вавилоне, Страбон называл его «почти полностью покинутым жителями» и лежащим в руинах.

Прошла тысяча лет. Чем выше становился слой песка над развалинами древних городов, тем больше стиралась память о них. Арабские историки и географы еще что-то знали о славном прошлом Ирака, но европейцы позабыли о Востоке. Странствия Вениамина Тудельского в XII в. и путешествия, предпринятые немецким ботаником Раувольфом четыре столетия спустя, были единичными эпизодами. Европейцы стали интересоваться восточными древностями только начиная с XVII в., когда итальянский аристократ Пьетро делла Валле весьма занимательно описал свое путешествие

по Месопотамии и привез в Европу в 1625 г. кирпичи, найденные им в Уре и Вавилоне, «на которых были какие-то доселе неизвестные письмена». Наконец членов академий наук и власти предержавшие осенило, что перед ними простирается непаханое поле, заслуживающее изучения. В 1767 г. король Дании впервые отправил на Восток научную экспедицию, чтобы ее члены собрали как можно больше информации, касающейся различных отраслей знания, в том числе археологии. Ее руководитель Карстен Нибур, математик по профессии, скопировал в Персеполе множество надписей, которые впоследствии были переданы филологам, вскоре расшифровавшим загадочное письмо. С тех пор почти все, кто посещал Восток или жил там, вносили свой вклад в изучение его руин, собирали древности и копировали надписи. Наиболее выдающимися среди них были Пьер де Бошам, прославленный французский аббат и астроном (1786), Клавдий Джеймс Рич, агент Ост-Индской кампании и британский генеральный консул в Багдаде (1807), сэр Джеймс Бэкингам (1816), Роберт Мигнан (1827), Джеймс Бейли Фрейзер (1834), а также Генри Кресвик Роулинсон (1810–1895), выдающийся офицер, спортсмен, первооткрыватель и филолог, вероятно величайший из всех. Также следует упомянуть по крайней мере одну экспедицию, проведенную в начале XIX в. и финансируемую правительством, – Британскую тигро-евфратскую экспедицию (1835–1836) под руководством Ф.Р. Чесни, изучившего течения обеих рек и со-

бравшего огромное количество сведений о землях, лежащих вокруг них.

Только де Бошам и Мигнан сделали два небольших раскопа в Вавилоне, остальные из перечисленных исследователей занимались лишь визуальным изучением и измерением руин и вряд ли могли представить себе, что скрывается под этими безлюдными холмами. Однако в 1843 г. Поль Эмиль Ботта, итальянец по происхождению и французский консул в Мосуле, провел в Хорсабаде первые в Ираке археологические раскопки, обнаружил одну из столиц Ассирии и начал новую эру. Почти одновременно (в 1845 г.) англичанин, сэр Генри Лэйярд, последовал его примеру в Нимруде и Ниневии, и вскоре был раскопан целый ряд теллей. В 1877 г. Эрнест де Сарзек, французский консул в Басре, услышав, что в Телло (недалеко от Насрии) случайно было обнаружено несколько статуй, решил начать там раскопки и открыл один из шумерских городов. Таким образом, за 30 лет мир узнал о существовании прежде неизвестной цивилизации, образованные люди с удивлением выясняли, что в Месопотамии скрывается не меньше сокровищ, чем в Греции и Египте. Ботта, Лэйярд, Сарзек, Лофтус, Смит – все пионеры того героического периода были непрофессионалами в полном смысле этого слова. У них было мало опыта, отсутствовала методическая подготовка. Их основная цель заключалась в том, чтобы находить статуи, рельефы, надписи и предметы искусства в целом и отправлять все это в музеи своих стран. У этих лю-

дей не было времени на сырцовые кирпичи и разбитые горшки; они многое уничтожили и так мало сохранили. Однако они открыли дорогу и, несмотря на всевозможные трудности, работали с энтузиазмом, превзойти который еще никому не удалось.

Тем временем в европейских библиотеках трудились не менее увлеченные, но более терпеливые пионеры, взявшие на себя выполнение фантастического задания – дешифровку текстов, в обилии стекавшихся в музеи. Мы не можем даже коротко пересказать здесь историю этого увлекательно-интеллектуального приключения, продлившегося на протяжении по меньшей мере ста лет и потребовавшего от ученых нескольких национальностей всей их изобретательности. Однако мы считаем, что должны отдать дань уважения таким людям, как Гротенфенд, преподаватель греческого языка в университете Гёттингена, сделавший первую серьезную и отчасти удачную попытку прочтения древнеперсидских клинописных надписей, скопированных Нибуром в Персеполе; Роулинсон, который между 1835 и 1844 гг. не только под угрозой своей жизни скопировал длинную трехязычную надпись, вырезанную Дарием высоко на скале в Бехистуне, что на западе Ирана, но и начал переводить ее (эта надпись на древнеперсидском, вавилонском и эламском языках стала называться «Розеттским камнем ассириологии», с тем лишь отличием, что первые ее исследователи не могли прочесть текст ни на одном из этих языков); англича-

нин Эдвард Хинкс и его французский коллега Жюль Оп-перт, которые, наряду с Роулинсоном, заслужили право называться «святой троицей» изучения клинописи, так как именно им удалось преодолеть основные эпиграфические и лингвистические трудности и, как сказал один из их современных преемников, «открыли пыльные страницы глиняных «книг», погребенных по всему Ближнему Востоку». Начатая в 1802 г. дешифровка ассиро-вавилонского языка (который теперь называется аккадским) завершилась в 1847 г., а к 1900 г. ученые уже могли читать тексты, написанные на другом языке Древней Месопотамии – шумерском. В настоящее время первый почти полностью нам понятен; в последнем пока еще имеются «темные пятна», но ученые читают на нем с все возрастающей уверенностью. По самым скромным подсчетам, в настоящее время в распоряжении историков имеется четверть миллиона табличек. Без всякого преувеличения можно утверждать, что ни в одной другой стране мира не было обнаружено такое количество древних текстов, сохранившихся до наших дней в том же виде, в котором они были написаны тысячи лет назад.

Немцы, которые стали участвовать в раскопках в Ираке в начале XX в., внедрили новый подход к археологическим исследованиям. Роберт Колдевей, работавший в Вавилоне (1899–1917), и Вальтер Андре, проводивший раскопки в Ашшуре (1903–1914), стали жестко, порой даже чрезмерно педантично придерживаться тщательно разработан-

ной научной методике в сфере, где главную роль до этого играли удача и интуиция. Методы, разработанные немецкими исследователями, вскоре стали общепринятыми, благодаря чему двадцать лет, прошедшие между двумя мировыми войнами, стали наиболее значимым и продуктивным периодом в истории месопотамской археологии. Именно тогда Вулли проводил раскопки в Уре и на его знаменитом царском некрополе (1922–1934), Хайнрих вместе со своей командой работал в Уруке, Парро – в Мари, англичане – в Убейде, Ниневии, Арпачийе и Чагар-Базаре, а американцы – в Тепе-Гавре, Нузи и в долине реки Диялы. Совместно представители двух последних наций копали в Кише и Джемдет-Насре. Один за другим были изучены большие и маленькие телли. Ученые постепенно раскрывали их секреты и шаг за шагом постигали историю Древней Месопотамии. Теперь им стало известно о существовании там гораздо более древних, потрясающих культур, изучение которых позволило исследователям сделать выводы о том, каким образом в этой части света складывалась цивилизация.

В это время у иракцев сформировалось национальное самосознание. В Багдаде открылся собственный музей. Появились молодые иракские археологи, и раскопки не прекращались даже во время Второй мировой войны, когда они проводились в Укейре (1940–1941), Хассуне (1943–1944) и Акар-Куфе (1943–1945). После войны к работе вернулись немцы (Ленцен), проводившие раскопки в Уруке, американцы

(Хайнс и Мак-Коун), раскапывавшие Ниппур, религиозную столицу Шумера, и французы (Парро), работавшие в Мари, городе-государстве в среднем течении Евфрата. Маллоуэн по поручению Британского музея снова стал проводить раскопки в Нимруде, одной из столиц Ассирии, которые были «заморожены» на протяжении более чем семидесяти лет. Сетон Ллойд, Таха Бакир и Фуад Сафар возглавили экспедиции Иракского музея на трех еще неизученных памятниках: в Эриду, одном из наиболее почитаемых городов в Ираке, Хармале (в толще этого небольшого холма было обнаружено неожиданно большое количество текстов) и в Хатре, загадочной столице доисламского арабского государства.

Впоследствии к работе присоединились японцы, начавшие раскопки в Джазире, и датчане, изучавшие археологию долины реки Заб, что неудивительно – международное сотрудничество всегда было одной из важнейших составляющих археологии. Ко времени написания этой книги археологами были изучены все основные города Древней Месопотамии, а также ряд менее значимых поселений. В настоящее время своих исследователей ждет целый ряд теллей, тянувшихся от Таврских гор до Персидского залива. Этого достаточно, чтобы снабдить работой несколько поколений археологов и специалистов по эпиграфике.

При изучении прошлого мы движемся от более позднего времени к более раннему: от ассирийцев к вавилонянам, затем к шумерам и неизвестным племенам, жившим на терри-

тории Ирака в 5—4-м тыс. до н. э., и теперь мы можем делать выводы о том, что представлял собой этот регион в эпоху каменного века. Несмотря на неизбежные пробелы в наших знаниях, наконец стало возможно написать всеобъемлющую историю Древней Месопотамии, начиная с тех далеких времен, когда люди, оставившие после себя скромные орудия труда из кусков кремня со сбитыми краями, свидетельствующие об их существовании, поселились на холмах и в пещерах Курдистана.

Глава 3

От жизни в пещере к земледелию

Еще двенадцать лет назад в учебниках и статьях в научных журналах ничего не говорилось о первобытном периоде истории Ирака. Археологи предпочитали работать на Месопотамской низменности, где находки доисторического времени, если они когда-то существовали, оказались погребенными под толстым слоем аллювиальных отложений. В нижних слоях нескольких теллей было обнаружено достаточно материала для того, чтобы историки сделали выводы о существовании пяти сменявших друг друга «протоисторических» культур. Данное открытие позволило ученым понять, на какой основе около 2800 г. до н. э. сформировалась шумеро-аккадская цивилизация, но все эти культуры относились к эпохам позднего неолита и халколита и просуществовали не более двух тысячелетий. О доисторическом периоде истории Ирака в прямом смысле этого слова, то есть о том, кто и как жил на этой территории в эпоху каменного века, ничего не было известно. В различных частях страны было обнаружено несколько фрагментов кремня, подвергшихся искусственной обработке, и еще в 1928 г. профессор Д.А.Э. Гаррод, женщина-археолог, получившая признание благодаря своим исследованиям первобытной эпохи в истории Па-

лестины, посетила Курдистан и в двух пещерах неподалеку от Сулеймании обнаружила палеолитические артефакты. Однако эти находки привлекли внимание лишь незначительного числа профессионалов. Должно было пройти двадцать лет до того, как профессор Р.Дж. Брейдвуд обнаружил неолитическое поселение Джармо и вызвал к нему интерес, достаточный для дальнейшего изучения данной темы, которая прежде не удостоивалась внимания специалистов. Начиная с этого времени американцы проводили исследования в Барда-Балке, Палегавре и Карим-Шахире (1951), сотрудники Восточного института Чикагского университета работали в долине реки Заб (1954–1955), а доктор Р. Солецки начиная с 1951 г. сделал ряд поразительных открытий в пещере Шанидар, что позволило значительно расширить наши знания о далеком прошлом Ирака и заполнить весьма досадный пробел в истории первобытности Ближнего Востока.

Для того чтобы эти достижения месопотамской археологии были более понятны читателю, нужно сказать несколько слов о терминологии, используемой специалистами по первобытной истории.

Первый исторический период каменного века, палеолит, совпадает по времени с геологической эпохой, названной плейстоценом (для геологов это наиболее поздний, *pleistos*, этап в весьма продолжительной истории Земли). Во время плейстоцена, начавшегося примерно полмиллиона лет назад и закончившегося около 10 000 г. до н. э., произошли

(по крайней мере, в Евразии и Северной Америке) четыре масштабных передвижения ледника, получившие название «ледниковых периодов», каждый из которых продлился на протяжении нескольких десятков тысяч лет. Друг от друга их отделяли три межледниковые эпохи, продолжавшиеся примерно столько же. Существует широко распространенная точка зрения о том, что, в отличие от Севера с его ледниковыми и межледниковыми эпохами, в тропических районах имели место плювиальные (во время которых шли сильнейшие дожди) и межплювиальные эпохи. Начало и окончание ледниковых и межплювиальных периодов были очень постепенными. Кроме того, сами эти эпохи перемежались с продолжительными промежутками времени, на протяжении которых царил относительно более теплый или сухой климат (межстадиалами). Для абсолютной датировки можно использовать ориентировочные цифры, предложенные профессором Ф.Э. Цейнером:

первый ледниковый период начался около 600 000 лет назад;

второй ледниковый период начался около 500 000 лет назад;

третий ледниковый период начался примерно 250 000 лет назад;

четвертый ледниковый период начался около 120 000 лет назад и завершился примерно в 20 000 г. до н. э.

На протяжении этих эпох люди уже существовали. Порой они жили на открытом воздухе, иногда находили прибежище в пещерах, питаясь дичью, добытой во время охоты, а также собранными ими плодами и корнями диких растений. Об этих людях мы знаем благодаря находке их скелетов, которые (если речь идет о наиболее древних останках) встречаются крайне редко и зачастую лишь фрагментарны, а также орудий труда и оружия, сделанных из камня, кости или слоновой кости. Специалисты по первобытной эпохе собирательно называют каменные орудия труда, найденные на одном памятнике, индустрией, а сходные индустрии образуют культуру. Каждая культура получила название в честь памятника, где впервые были сделаны связанные с ней находки.

Если не вдаваться в подробности, то можно говорить о существовании двух техник изготовления каменных орудий труда. При использовании первой от куска (ядрища) кремня или гальки откалывали фрагменты таким образом, чтобы он приобрел более или менее клиновидную форму. В итоге получалось орудие, которое исследователи называют рубилом или ручным топором. В ходе применения второй техники обработке подлежали отщепы, отделенные от ядрища (нуклеуса). С помощью аккуратных ударов им придавали форму скребков, ножей, резцов, проколов и т. п. Однако различия между культурой, носители которой предпочитали работать с ядрищами, и той, для которой характерно исполь-

зование отщепов, скорее теоретические, чем реальные, так как на многих памятниках археологи в одном и том же слое находят и рубила, и орудия труда, сделанные из отщепов.

Эпоху палеолита можно разделить на три стадии: нижний, средний и верхний палеолит.

В эпоху нижнего палеолита, которая началась в первый ледниковый период, закончилась во время третьего межледникового периода и продлилась на протяжении 300 000–400 000 лет, в Европе существовали три основные культуры: аббевильская, клектонская и ашельская. Их носители в основном использовали рубила, а сами эти культуры отличаются друг от друга незначительными особенностями техник изготовления орудий труда, которые мы не будем здесь рассматривать. Судя по останкам, наиболее ранние носители этих культур внешне напоминали приматов, но на последних стадиях данной эпохи появились люди, мало отличающиеся от современных *homo sapiens*.

Технику обработки кремневых орудий труда, использовавшуюся людьми, жившими в эпоху нижнего палеолита, унаследовали носители леваллуазской и мустьерской культур, существовавших в период среднего палеолита (вторая половина третьего межледникового – конец четвертого ледникового периода). Эту эпоху можно назвать «классической» первобытностью, периодом господства пещерных людей, наиболее ярким представителем которых был в настоящее время вымерший звероподобный неандерталец.

Наиболее характерными чертами эпохи верхнего палеолита, начавшейся около 35 000 лет назад, являются возросшее разнообразие орудий труда и усложнение техник их изготовления (ориньякская и являющиеся ее разновидностями шательперонская и граветтская, солютрейская и мадленская культуры Западной Европы), увеличение числа изделий из кости и оленьего рога и появление магическо-эстетических тенденций, особенно ярко проявившихся на превосходных наскальных рисунках, найденных во Франции и Испании и сделанных носителями мадленской культуры.

Благодаря приобретенным им умениям полностью сформировавшиеся *homo sapiens*, бродившие по территории Евразии и Северной Африки в поисках пищи, научились изготавливать множество разнообразных мелких орудий труда и видов оружия, и на основе индустрий эпохи верхнего палеолита сформировались культуры, наиболее характерным признаком которых является использование микролитической техники (капсийская в Африке, азильская и тарденуазская в Западной Европе) и которые существовали уже в эпоху мезолита, или среднего каменного века.

Наконец, начало неолитического периода, или нового каменного века, ознаменовано появлением земледелия и одомашниванием животных, революцией, которая произошла в Европе около 3000 г. до н. э., а на Ближнем Востоке – гораздо раньше.

Такова общая канва, в которую нам теперь следует впи-

сать историю Ирака.

Палеолит в Ираке

Хотя в Таврских горах и Загросе заметны следы циклических оледенений, большой ледник, четырежды накрывавший территорию значительной части Евразии, так и не добрался до Ближнего Востока. Ирак оказался на стыке ледниковой и плювиальной зон, благодаря чему климатические изменения, происходившие в эпоху плейстоцена, сказались здесь не так сильно, как в других частях света. Как бы то ни было, они косвенно повлияли на его морфологические особенности. Из-за передвижений ледника изменялся уровень воды в Персидском заливе: когда ледник отходил, он поднимался, а когда наступал – снижался. Это, в свою очередь, повлияло на русла рек и их эродирующее действие. С другой стороны, периоды сильных дождей, размывавших почву, сменялись временем господства сухого климата, для которого характерно отложение на доньях рек ила и песка. По крайней мере в одной части предгорий Курдистана зафиксированы четыре подобных последовательных цикла, совпадающие по времени с двумя последними ледниковыми и межледниковыми периодами. Это сложно представить, но в истории Ирака были периоды, когда через пустыню текли широкие реки, Тигр и Евфрат не уступали Амазонке, а Заба и Дияла, объем воды в которых в десять раз превышал современ-

ный, формировали в горах Курдистана глубокие и широкие равнины. На протяжении большей части эры плейстоцена и расположенная на западе пустыня, и предгорья Ирака представляли собой поросшие травой степи и нагорья, где царил сравнительно умеренный и устойчивый климат и сложились весьма благоприятные условия для жизни доисторических людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.